

Даниил ГРАНИН

Родился в городе Вольске в 1919 году. Писатель и общественный деятель. Окончил электромеханический факультет Ленинградского политехнического института и Ульяновское танковое училище. Участник Великой Отечественной войны. Автор многих известных книг повестей, романов и публицистики («Иду на грозу», «Клавдия Вилор», «Картина». «Блокадная книга» - совместно с А.Адамовичем, «Зубр», «Оборванный след» и других). Президент Общества друзей Российской национальной библиотеки; председатель правления Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачёва, Герой Социалистического Труда (1989), Почётный гражданин С.-Петербурга (2005), лауреат Государственной премии СССР и Государственной премии России, а также премии Президента РФ в области литературы и искусства. Живёт в Санкт-Петербурге.

«ПОРЯДОЧНОСТЬ ПОТОМСТВЕННОГО ОФИЦЕРА...»

Беседа с Татьяной Фроловой о Борисе Васильеве

- Даниил Александрович, Великая Отечественная война как война справедливая - такова она и в Вашей прозе, и в произведениях Бориса Васильева, о котором сегодня пойдет наш разговор. Но Васильев пишет о войне в ином стилистическом ключе: при всей ее бесчеловечности возможны иронические нотки по отношению к герою, романтический флёр... Если говорить именно о военной прозе Бориса Львовича, что Вам особенно близко, а с чем, возможно, Вы стали бы сознательно полемизировать?

- Борис Васильев был из тех военных писателей, которые работали не в штабах, не в медсанбатах и прочих тыловых организациях, - он был на фронте. Это накладывает всегда на солдат и

офицеров печать: люди постоянно подвергаются угрозе смерти, они живут рядом со смертью. У них складывается совершенно другая психология, они почти не имеют завтрашнего дня, у них другие законы взаимовыручки, взаимопомощи. Это характеризует военную прозу таких людей, как Васильев Боря, как Бакланов, Бондарев, Воробьев, Василь Быков, как поколение военных поэтов...

Военная проза - очень хорошая проза, и выделиться среди нее было не так-то просто. А Борис выделился. Ну, например, взяты его вещь «А зори здесь тихие.», инсценировка которой обошла, наверное, все театры России. В чем тут дело? А в том, что он показал малоизвестную сторону войны, когда война затрагивала всех - и даже этих девочек, со всей их наивностью и беззаветностью, со всеми женскими особенностями. Это очень было трогательно, потому что война очень жестокая и жесткая вещь, где, казалось бы, сентиментальность, какая-то мелодрама и интимность не всегда уместны. А здесь это появилось в полной естественности.

- *Борис Васильев так вспоминал о своем первом бое: «Мне было семнадцать лет, и я впервые стрелял по живому человеку. Для меня немцы были люди. Ненависти не было». Мне показалось, это очень близко вопросам, которые Вы задаете себе; одно из Ваших военных эссе называется «Излечение от ненависти»... Была ли ненависть тогда, на войне, и должна ли она быть в литературе о войне?*

- Слово «должна» я не принимаю. Ничего должного не бывает в литературе, литература ничего не должна, она должна быть только свободной. Это первое. Второе - хочу сказать, что для меня противник был только мишенью. Но совсем недавно, уже прошло много лет после войны, я был на каком-то школьном обсуждении моих книг, и вдруг одна девочка встает и спрашивает: «Даниил Александрович, скажите, сколько людей Вы убили на войне?». Это был для меня совершенно неожиданный вопрос, потому что я убивал не людей. А для нее это были люди. Не знаю, как Борис вел себя в этом смысле на войне, чем был для него противник. Это очень интимная вещь, такие чувства, о которых солдаты не любят говорить и не говорят.

- А как Вы для себя внутренне отвечаете на вопрос о духовном примирении между русскими и немцами? Состоялось ли оно, возможно ли оно в принципе?

- Это абсолютная необходимость и естественность жизни, потому что ненависть - чувство тупиковое, оно никуда не может вести. Прощение, стремление понять и примириться не исключают памяти, но дают возможность взаимопонимания. Мы тоже во многом виноваты.

- В этой войне?

- У нас тоже многое связано с нашими ошибками, преступлениями. Мы виноваты перед другими народами, перед Польшей, допустим. Вот я поехал сейчас в Германию - я уже много раз был в Германии, - и могу сказать, что мы должны понимать: это другие немцы, это внуки, а то и правнуки тех немцев, с которыми мы воевали. Они проделали огромный путь демократизации своей страны и внутреннего очищения от нацизма.

- Даниил Александрович, в начале разговора Вы предвосхитили мой следующий вопрос: почему ни одно из произведений Бориса Васильева не получило такого живого отклика, такого всенародного резонанса, как «А зори здесь тихие...»? Снятая по этой повести военная драма в свое время была номинирована на «Оскар» в категории «Лучший фильм на иностранном языке». А как Вы относитесь к экранизациям произведений Бориса Васильева?

- В общем хорошо отношусь, как раз у него тут удачи. У меня, например, по-моему, удачных экранизаций почти не было - ну, немножко. А Боре очень повезло. Я не помню, кто режиссер этого фильма.

- Станислав Ростоцкий...

- Это хороший был фильм.

- Современные школьники, боюсь, знают Васильева скорее по фильмам. Вы советовали бы молодому поколению читать его книги?

- Да, я советую. Во-первых, потому что это написано хорошо; во-вторых, потому что не все его произведения экранизированы, есть хорошие не экранизированные вещи, да и между экранизацией и оригиналом бывают очень большие расстояния, поэтому чтение и фильмы не взаимозаменяемы. У него вообще проза пред-

ставлена не только военной прозой, у него хорошая проза историческая.

- Для Вас творчество Васильева сводится к некоему единому знаменателю? Или когда он обращается к теме войны и военного поколения, острым социальным темам, к российской истории - это разный Васильев?

- Наверное, разный. Но такого вопроса у меня не возникает, когда я читаю его.

- Даниил Александрович, Вы, как и Борис Васильев, обращались к жанру исторического романа - я имею в виду Ваш роман «Вечера с Петром Великим». Обращение к такому жанру отчасти связано с нерадостным взглядом на настоящее (в прошлом больше достойных личностей)? Какие возможности открывает для писателя этот жанр?

- Писатель обращается к личности, к теме по непонятному для себя призыву. У него нет соображений, что это дает хороший материал или соответствует требованиям времени. Все эти соображения не должны играть роли по сравнению с тем выбором, который происходит в душе.

- Расскажите, пожалуйста, когда и при каких обстоятельствах Вы познакомились с Борисом Львовичем?

- А я не помню, давно это было. Такое ощущение, что мы всегда были знакомы. Я у него бывал дома, он очень привлекательный был человек. Не могу сказать, что в нем было то, что называется открытостью, но была - искренность. Хочу особо отметить стиль его жизни. Он удалился в свой домишко.

- Под Солнечногорском...

- Домишко, как понимаете, более чем скромный. Он жил там вроде в изоляции, а на самом деле это была все время энергичная литературная работа, писательская работа.

- То есть это не было позицией «Я пишу, не трогайте меня.», не было отшельничества?

- Он постоянно писал, работал и работал, и много наработал. Там не все, может быть, на одном уровне, но, во всяком случае, это, я думаю, доставляло ему удовлетворение: постоянная работа, которая поддерживала его и морально, и физически до последних дней, и которая дала много хороших книг.

- *Какими качествами Вам был особенно дорог и особенно запомнился Борис Львович?*

- Вы знаете, Борис Васильев отличался от многих наших писателей удивительной порядочностью, просто щепетильной порядочностью потомственного офицера - можно сказать, в его прошлом были целые поколения русских офицеров. Это накладывало на него особенный отпечаток, он был очень щепетильным человеком и никогда не позволял себе того, то позволяли многие другие наши писатели.

- *При этом сам Васильев считал себя практически одним из последних интеллигентов, говоря о том, что Ленин погубил интеллигенцию, ее в России не осталось. Вы как человек, которого называют и совестью нации, и столпом российской интеллигенции, не разделяете столь пессимистичного взгляда?*

- Разделяю. Интеллигенты остались, интеллектуалы, но интеллигенция как действующий слой общества, как активно действующее сословие, по-моему, почти не проявляет себя. Никаких признаков активной жизни нет, только отдельные всплески остались... А интеллигенции как критерия правил поведения, порядочности, совести нации - нет. Не могу сказать, что их истребили, но жизнь показала, что в них не нуждаются. Их всячески унижали: в виде унижения, которое терпит наша наука, вмешательства в дела культуры, искусства и так далее. Ну, это уже другая тема совсем.

- *А у самого Васильева как складывались отношения с властями?*

- Не знаю. Думаю, что не так плохо.

- *Под знаменитым «письмом сорока двух», опубликованном в «Известиях» 5 сентября 1993 года, есть и Ваша подпись, и подпись Бориса Васильева - тут вы оказались единодушны. Но, наверное, были у вас и политические разногласия, причем существенные?*

- Не было, не помню такого.

- *Васильев, например, считал, что единственно правильный способ правления в России - монархия, и горячо поддерживал Ельцина, который, с его точки зрения, так же считал и с максималь-*

ной пышностью похоронил останки царской семьи... Но Вы скорее сторонник последовательных демократических преобразований?

- Мне трудно ответить на этот вопрос, поскольку я не жил при монархии. Но она для меня привлекательна, если судить по английской системе, по бельгийской. В монархии есть ряд привлекательных черт, которые в России, возможно, могли бы сыграть хорошую роль. Но, боюсь, это не моя тема.

- Как Вам кажется, литературная судьба Бориса Васильева была счастливой?

- Не мне судить об этом. Во всяком случае, по-моему, он осуществил себя.